

В. П. АЛЕКСЕЕВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СССР

Состояние антропологической науки в России перед Великой Октябрьской социалистической революцией

Антропологические исследования в России осуществлялись в основном в рамках научных обществ, организованных при различных учреждениях. Эти общества проводили обширные экспедиции в различные районы страны и печатали большое количество научных трудов. Можно без преувеличения сказать, что подавляющее число основных публикаций по антропологии было издано научными обществами. Первое место среди них бесспорно занимал Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Организованный еще в 1864 г., он осуществил громадную работу по антропологическому изучению народов России, популяризации антропологических знаний, изданию первоклассных антропологических материалов¹. Страстные энтузиасты антропологической науки, которых объединял Отдел, постоянно расширяли тематику своих исследований, включая в нее все новые разделы науки о человеке и внимательно следя за ее достижениями за рубежом. В 1910-х гг. в число мероприятий Отдела, помимо расоведческой тематики и работ по палеоантропологии, были включены исследования по выработке методики определения описательных признаков, по вариационной статистике и ее применению в антропологии, по многим проблемам морфологии человека.

Отдел издавал отдельными монографиями крупные труды по антропологии народов России, палеоантропологии, морфологии человека. Кроме этого, с 1900 г. издавался «Русский антропологический журнал», который был единственным периодическим изданием по антропологии в России². Тематика журнала в основном совпадала с тематикой работы Отдела, но кроме статей его сотрудников в нем печатались работы многих русских антропологов из других городов, а также зарубежных ученых.

В Петербурге интенсивная работа в области антропологии, осуществлявшаяся в рамках организованного при Военно-медицинской академии Антропологического общества, прекратилась со смертью его вдохновителя и организатора А. И. Таренецкого³. Но она продолжалась в Русском антропологическом обществе при Петербургском университете, которое с 1888 г. издавало «Протоколы заседаний и отчеты» и опублико-

¹ См.: Т. Д. Гладкова, Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXXV, М., 1963.

² См.: Б. Н. Вишневский, Указатель антропологической литературы, I, «Русский антропологический журнал», кн. I—XX (1900—1916 гг.), Казань, 1921.

³ См.: Г. Ф. Дебец, Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы), Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXV, М., 1963.

вало пять томов «Ежегодника Русского антропологического общества». Помещенные в них статьи посвящены в основном расоведению и морфологии⁴.

Антропологические исследования народов Поволжья, проводившиеся в конце XIX в. Н. М. Малиевым и С. М. Чугуновым от Общества естествоиспытателей при Казанском университете, прекратились с переездом их в Томск⁵. В 1910-е годы оживление антропологической работы совпадает с организацией Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и связано с деятельностью М. М. Хомякова, продолжившего антропологическое изучение народов Поволжья, а также оставившего несколько исследований по морфологии черепа человека⁶. Наконец, в Томске активно работал над антропологией Сибири С. М. Чугунов⁷, а в Иркутске некоторые исследования производились Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества⁸.

Методологический и методический уровень всех этих многочисленных исследований был неодинаков. Многие из них характеризовались невысоким методическим уровнем и известным теоретическим эклектизмом. В качестве примера можно назвать работы, выполненные М. М. Хомяковым и исследователями, группировавшимися вокруг Русского антропологического общества при Петербургском университете. Некоторые из них, особенно Ф. К. Волков, даже наделяли расы определенными психическими свойствами, увязывали результаты антропологических исследований с националистической политической программой и пытались использовать расовый момент в объяснении хода исторического развития украинского и русского народов, за что были подвергнуты справедливой критике⁹.

С другой стороны, многие исследования того периода сохранили свою методологическую ценность и до настоящего времени. К их числу относятся, например, работы Д. Н. Анучина и Е. М. Чепурковского, развивавших представления о важности географического фактора в формировании расовых типов и, следовательно, о значительной роли географического метода в расовом анализе, о необходимости расширения биологической базы антропологических исследований и неправомерности применения принципа абстрактных комбинаций признаков, о формах и путях изучения внутригрупповой и межгрупповой изменчивости расовых признаков¹⁰.

В области сравнительной морфологии и происхождения человека самостоятельная работа проводилась в основном анатомами, которые,

⁴ См.: Г. Ф. Дебец, Указ. раб.; В. Д. Дяченко, Наслідки роботи Української антропологічної експедиції, «Матеріали з антропології України», Київ, 1960, вып. 1.

⁵ См.: Н. С. Сысак, К истории работы кафедры анатомии Казанского медицинского института в области антропологии (к 150-летию существования кафедры), «Сов. антропология», 1958, № 4; В. П. Алексеев, Этническая антропология в Казани во второй половине XIX — начале XX века, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXXV, М., 1963.

⁶ См.: В. П. Алексеев, Указ. раб.

⁷ См.: «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888—1913)», Томск, 1917, стр. 377, 386—387.

⁸ См.: А. И. Казанцев, Антропологические исследования Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО), «Вопросы антропологии», 1960, вып. 3.

⁹ См. критические статьи: Д. Н. Анучин, К антропологии украинцев, «Русский антроп. журнал», 1918, № 1—2; Е. М. Чепурковский, рец. на «Ежегодник Русского антропологического общества» (т. 4 и 5), «Русский антроп. журнал», 1916, № 1—2.

¹⁰ См.: М. Г. Левин, Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923), Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. I, М.—Л., 1947; его же, Очерки по истории антропологии в России, М., 1960; Г. Ф. Дебец, Указ. раб.

естественно, в наибольшей мере интересовались вариациями отдельных органов и их становлением, крайне редко затрагивая соматологические проблемы и процесс антропогенеза в целом. Из работ общего характера можно назвать очерки Д. Н. Анучина¹¹ и известного зоолога М. А. Мензбира¹². Но при отсутствии в России ископаемых находок авторы были вынуждены ограничиться критическим рассмотрением данных, почерпнутых из литературы.

Итак, деятельность русских антропологов до революции характеризовалась значительным размахом, разветвленностью организационной структуры и широтой исследовательских тем, но она велась лишь в рамках научных обществ. Антропология не была включена в план университетского преподавания и, таким образом, не получила официального признания, а антропологические курсы лишь эпизодически читались на кафедрах географии и анатомии человека.

Основные этапы развития антропологических исследований в СССР

Бурные события первой мировой войны, Февральской, а затем Великой Октябрьской социалистической революции разметали кадры русских антропологов. В 1918 г. умер Ф. К. Волков¹³, уехал на чужбину Е. М. Чепурковский, в значительной мере прекратил научную работу А. А. Ивановский. Практически на эти годы падает и прекращение деятельности С. М. Чугунова.

Львиная доля заслуг в организации и налаживании антропологической работы в Московском университете принадлежит Д. Н. Анучину. Прежде всего она выразилась в организации первой в стране кафедры антропологии, открытой в 1919 г., и научно-исследовательского института, включавшего и музей, созданного в 1922 г.¹⁴ Оба эти учреждения входили в состав физико-математического, а затем биологического факультета университета и возглавлялись самим Д. Н. Анучиным. В 1922 г. под редакцией ближайшего сотрудника Д. Н. Анучина В. В. Бунака было возобновлено издание «Русского антропологического журнала», прекращенное в 1918 г. Наконец, Д. Н. Анучин с небольшой группой учеников продолжал научно-исследовательскую работу и читал на вновь организованной кафедре целый ряд антропологических курсов, готовя кадры будущих исследователей. В Ленинграде чтение антропологических курсов продолжили С. И. Руденко и Д. А. Золотарев.

После смерти Д. Н. Анучина кафедру и Институт антропологии МГУ возглавил В. В. Бунак. Под его руководством был значительно расширен диапазон исследовательских работ московских антропологов. В области расоведения впервые от выполнения работ, выбор которых определялся в основном вкусами их авторов, был сделан переход к более или менее планомерному антропологическому исследованию на-

¹¹ Д. Н. Анучин, Происхождение человека и его ископаемые предки, Сб. «Итоги науки», СПб., 1912; его же, К вопросу о древнейших людях», «Природа», июль-август, 1916.

¹² М. А. Мензбир, Естественный и искусственный подбор по отношению к человеку», Сб. «Памяти Дарвина», М., 1910.

¹³ См.: Д. Н. Анучин, Ф. К. Волков (1847—1918) [некролог], «Русский антроп. журнал», т. 12, 1923, кн. 3—4.

¹⁴ См.: В. В. Бунак, Деятельность Д. Н. Анучина в области антропологии, «Русский антроп. журнал», т. 13, 1924, вып. 3—4; Г. В. Карпов, Путь ученого, М., 1958.

селения СССР. При непосредственном участии В. В. Бунака были собраны антропологические данные по народам Поволжья, Кавказа и Тувы¹⁵; А. И. Ярхо приступил к планомерному обследованию народов Алтае-Саянского нагорья¹⁶, В. И. Левин — народов Северного Кавказа¹⁷; ташкентский антрополог Л. В. Ошанин, тесно связанный с московской школой, начал свою многолетнюю исследовательскую деятельность в Средней Азии¹⁸; П. И. Зенкевич продолжил и довел до конца сбор материалов по народам Поволжья¹⁹.

Многие из этих обширных материалов были опубликованы позже, значительная часть осталась неопубликованной, но в процессе их сбора и разработки были поставлены важные теоретические вопросы расоведения и заложены основы того подхода к проблемам расоведения, который теоретически был осмыслен в последующее десятилетие.

Однако не эти большие по масштабу расовые исследования различных групп населения СССР были знаменем времени. Им стало широкое и всестороннее внимание к морфологическим вариациям человеческого организма, расширение биологической базы расовых и морфологических исследований, создание последовательной системы взглядов на конституциональные и мерологические вариации человеческого тела²⁰. Эти работы нашли себе выражение в вышедшей под редакцией В. В. Бунака «Методике антропологических исследований», впервые изданной в 1925 г. и с небольшими изменениями выдержавшей три издания²¹. Одновременно большое внимание уделялось и генетике изучаемых признаков.

Обширные исследования, посвященные анализу морфологических вариаций человеческого тела, не остались достоянием только московской школы антропологов. Большое число работников сгруппировалось в Харькове вокруг Л. П. Николаева. В их работе гармонично сочетались изучение расового типа населения Украины с оценкой конституции, физического развития и пропорций тела различных социальных групп²². Эти исследования смыкались с разработкой теоретических проблем конституции человека, осуществлявшейся украинскими патолого-анатомами и физиологами, в первую очередь А. А. Богомольцем²³.

Кроме харьковской группы небольшой антропологический центр, состоявший в основном из учеников Ф. К. Волкова, существовал в системе Академии наук Украинской ССР. В нем наибольшее внимание

¹⁵ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Русский антроп. журнал», т. 13, 1924, вып. 3—4; его же, Антропологический тип мордвы, там же; его же, Антропологический состав населения Кавказа, «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII-A, Тбилиси, 1947.

¹⁶ А. И. Ярхо, Алтае-Саянские тюрки (антропологический очерк), Абакан, 1947.

¹⁷ В. И. Левин, Этногеографическое распределение некоторых расовых признаков у населения Сев. Кавказа, «Антроп. журнал», 1932, № 2.

¹⁸ См.: Н. Н. Миклашевская, Памяти Л. В. Ошанина, «Вопросы антропологии», 1962, вып. 12.

¹⁹ П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых мари, «Марийская автономная область», 1934, №№ 8—9, 10—12; его же, Характеристика восточных финнов, «Уч. зап. МГУ», вып. 63, 1941.

²⁰ См.: «Список основных печатных работ проф. В. В. Бунака (к 70-летию со дня рождения)», «Вопросы антропологии», 1962, вып. 10; Т. Д. Гладкова, Список антропологической литературы на русском языке за 1917—1936 гг., «Вопросы антропологии», 1960, вып. 2. См. также: В. Я. Рубашкин, Кровяные группы, М.—Л., 1929.

²¹ «Методика антропологических исследований», М.—Л., 1-е изд.—1925; 2-е изд.—1927; 3-е изд.—1931.

²² «Материалы по антропологии Украины», Харьков, т. 1—1926, т. 2—1926, т. 3—1927, т. 4—1927.

²³ А. А. Богомольец, Введение в учение о конституциях и диатезах, М., 1928.

уделялось расовому составу населения Украины²⁴. Аналогичные исследования, но в северных районах Европейской части СССР осуществлял Д. А. Золотарев²⁵.

К этому периоду относится появление первых русских работ, содержащих оригинальные данные о происхождении человека. Речь идет об исследовании известных подкумских фрагментов²⁶, а также о сочинениях в области приматологии²⁷ и сравнительной морфологии²⁸. Кроме них выходили и сводные работы, посвященные общему обзору гипотез антропогенеза.

В общем можно сказать, что размах производимых исследований в первое десятилетие советской власти значительно вырос по сравнению с дореволюционным временем. Прежде всего это было обусловлено расширением ассигнований в связи с переходом научных учреждений на государственный бюджет. Но известную роль сыграла и практическая направленность многих начинаний, их тесная связь с медициной. Антропология перестала быть сугубо «академической» наукой и поставила результаты своих работ на службу социалистическому строительству.

Однако теоретические проблемы антропологии в первое десятилетие после Октября решались приблизительно на том же уровне, что и до революции. Хотя теоретические установки советской антропологии были прогрессивны, так как они были получены в наследство от прогрессивной русской антропологии предреволюционного десятилетия, но она еще не освободилась от буржуазно-либеральных взглядов на многие коренные проблемы расоведения и антропогенеза и не использовала методологические достижения диалектического материализма.

Преодоление этих недостатков — содержание следующего периода, который начинается с 1930-х годов. В эти годы развернулась работа целой группы антропологов, получивших образование уже в советское время. Они стремились сделать марксистскую философию теоретической платформой своих исследований. Это обстоятельство сразу же нашло отражение в изучении богатого философского наследия Маркса и Энгельса²⁹, в разработке под углом зрения марксистской философии кардинальных проблем антропогенеза и расоведения, в разрывании острой критики расистских теорий. Основным принципиальным вопросом в области антропогенеза стала разработка трудовой теории антропогенеза Энгельса³⁰, основным принципиальным вопросом расоведения — оформление учения о расе как об исторической категории³¹. Роль организационного рубежа сыграл проведенный в 1930 г.

²⁴ «Антропология. Річник кабінету антропології ім. Ф. Вовка», Київ, т. I—1928, т. II—1929, т. III—1930, т. IV—1931.

²⁵ Д. А. Золотарев, Кольские лопари, Л., 1928; его же, Карелы СССР, Л., 1930.

²⁶ М. А. Гремяцкий, Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности, «Русский антроп. журнал», т. 12, 1922, вып. 1—2.

²⁷ См., например: В. В. Бунак, О гребнях на черепе приматов, «Русский антроп. журн.», т. 12, 1923, кн. 3—4.

²⁸ Например: М. А. Гремяцкий, О некоторых аномалиях зубной формулы высших приматов и их филогенетическом истолковании, «Русский антроп. журнал», т. 16, 1928, вып. 3—4.

²⁹ Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, Расы и расовая проблема в работах Маркса, Энгельса и Ленина, «Антроп. журнал», 1933, № 1—2.

³⁰ М. А. Гремяцкий, Проблема антропогенеза, «Антроп. журнал», 1934, № 3; М. Ф. Нестурх, Человек и его предки, М., 1934.

³¹ В. В. Бунак, Раса как историческое понятие, Сб. «Наука о расах и расизм», Труды Ин-та антропологии МГУ, вып. IV, М.—Л., 1938.

IV съезд зоологов, анатомов и гистологов, на антропологической секции которого были прочитаны доклады на эти важнейшие темы³².

Немалую роль в направлении антропологической работы в стране сыграл «Антропологический журнал», который стал выходить с 1932 г. под редакцией М. С. Плисецкого после того, как в 1930 г. прекратилось издание «Русского антропологического журнала». Именно на страницах нового органа появлялись имевшие наибольшее значение крупные теоретические статьи по основным проблемам науки. Среди них можно отметить работы, намечавшие перспективы исследований в важнейших областях и подводившие итоги предшествующего развития³³, ряд статей по теоретическим вопросам расоведения, связанных в основном с именем А. И. Ярхо³⁴, и по вопросам антропогенеза, связанных в значительной степени с именем Я. Я. Рогинского³⁵. Кроме того, журнал напечатал ряд исследований, посвященных разнообразной антропологической тематике, и живо откликался на новинки русской и зарубежной литературы³⁶.

Одной из основных задач советских антропологов в это десятилетие стала борьба с расистской идеологией. Именно в эти годы расизм, ставший официальной идеологической и политической доктриной германского фашизма, возродился в сочинениях германских антропологов, поставивших свои знания на службу Третьей империи. Их тенденциозные, а чаще всего прямо фальсификаторские сочинения были подвергнуты беспощадной критике в ряде статей и рецензий³⁷. Кроме них Институтом антропологии МГУ был выпущен специальный том трудов, посвященный основным аспектам расоведения, истории изучения рас, выявлению истоков расизма и критике современных расистских концепций³⁸. Наряду с этим сборником вышло из печати еще несколько книг, посвященных той же тематике³⁹.

Представление о высоком методическом уровне антропологических исследований этого периода дает капитальная книга В. В. Бунака, посвященная организации и приемам сбора антропологического материала и его обработке⁴⁰. Разработка теоретических вопросов морфологии человека, выразившаяся в появлении ряда крупных работ по конституции и физическому развитию человека⁴¹, по изучению закономер-

³² Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, Киев — Харьков, 1931.

³³ А. И. Ярхо, Очередные задачи советского расоведения, «Антроп. журнал», 1934, № 3; В. В. Бунак, Современное состояние и задачи морфологии человека, там же.

³⁴ А. И. Ярхо, Против идеалистических течений в расоведении СССР, «Антроп. журнал», 1932, № 1; его же, О некоторых вопросах расового анализа, «Антроп. журнал», 1934, № 3.

³⁵ Я. Я. Рогинский, Помолодение в процессе человеческой эволюции (изложение и критика теории Л. Болька), «Антроп. журнал», 1933, № 3; его же, К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции, «Антроп. журнал», 1936, № 3.

³⁶ См.: Т. Д. Гладкова, Список статей, обзоров, рефератов, некрологов и хроники, напечатанных в «Русском антропологическом журнале» (1918, 1922—1930 гг.) и «Антропологическом журнале» (1932—1937 гг.), «Сов. антропология», 1958, № 1.

³⁷ Например: М. С. Плисецкий, Б. Я. Смулевич, Расовая теория — классовая теория, «Антроп. журнал», 1934, № 1; Я. Я. Рогинский, Фриц Ленц и расы, «Антроп. журнал», 1934, № 3.

³⁸ Сб. «Наука о расах и расизм».

³⁹ А. Шийк, Расовая проблема и марксизм, М., 1930; см. также Сб. «Расовая теория на службе фашизма», Киев, 1935.

⁴⁰ В. В. Бунак, Антропометрия, М., 1941.

⁴¹ В. В. Бунак, Опыт типологии и стандартизации пропорций тела, «Уч. зап. МГУ», вып. 10, 1937; его же, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека, «Уч. зап. МГУ», вып. 34, 1940; его же, Нормальные конституционные типы в свете данных о корреляции отдельных признаков, там же.

ностей наследования многих признаков⁴², а также по повышению уровня математического аппарата, используемого в антропологии⁴³, позволили успешно решить задачу практического использования антропологических знаний в первую очередь для стандартизации изделий легкой промышленности⁴⁴. Наряду с этим результаты многих исследований антропологов вошли в медицину и получили отражение в медицинской практике.

В области расоведения продолжалось интенсивное изучение антропологического состава Советского Союза. Были изучены многие народы Дальнего Востока⁴⁵, Средней и Западной Сибири⁴⁶; в Средней Азии продолжал свою деятельность Л. В. Ошанин⁴⁷, Г. Ф. Дебеч исследовал многие районы восточноевропейской части СССР⁴⁸. Нужно отметить также обширные исследования Н. Н. Чебоксарова⁴⁹ и Т. А. Трофимовой⁵⁰. С изучением антропологического состава СССР было тесно связано и широкое развертывание палеоантропологических исследований, в первую очередь также благодаря деятельности Г. Ф. Дебеча⁵¹. Можно сказать, что именно в эти годы были заложены основы наших знаний об истории антропологических типов на территории Советского Союза. Наряду с этим уделялось большое внимание истории антропологического состава многих зарубежных территорий⁵² и теоретическим проблемам палеоантропологии, прежде всего направленному изменению признаков во времени⁵³.

Расширилась и фактическая база исследований в области антропогенеза. Известные находки палеоантропов в Кийик-Кобе (Крым) и Тешик-Таше (Узбекистан) были подробно изучены и послужили предметом обстоятельных публикаций⁵⁴. Особенно должно быть отмечено

⁴² См., например: Труды Медико-генетического ин-та, т. IV, М.—Л., 1936.

⁴³ М. В. Игнатьев, О пределах приложения математики в антропогенетике, «Антроп. журнал», 1937, № 3.

⁴⁴ См. В. В. Бунак, Антропометрические материалы для установления размеров одежды, М., 1932.

⁴⁵ Г. Ф. Дебеч, Антропологическое изучение Советского Севера, «Сов. Север», 1934, № 6; его же, Ульчи, «Антроп. журнал», 1935, № 1; М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947.

⁴⁶ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья, «Антроп. журнал», 1934, № 3; Г. Ф. Дебеч, Селькупы. Антропологический очерк, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947.

⁴⁷ Л. В. Ошанин, Иранские племена Западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование, Труды Узбекского ин-та экспериментальной медицины, т. I, Ташкент, 1937; В. В. Гинзбург, Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, М.—Л., 1937.

⁴⁸ Г. Ф. Дебеч, Антропологический очерк Лукояновского уезда бывш. Нижегородской губернии, «Уч. зап. МГУ», вып. 63, 1941; его же, Вепсы, там же.

⁴⁹ Н. Н. Чебоксаров, Калмыки Западного Улуса, «Антроп. журнал», 1935, № 1; его же, Физический тип китайцев различных социальных групп, там же.

⁵⁰ Т. А. Трофимова, Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. I, М.—Л., 1947.

⁵¹ Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антроп. журнал», т. 19, 1930, вып. 1—2; его же, Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя, «Антроп. журнал», 1932, № 2; его же, Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье, «Антроп. журнал», 1936, № 1.

⁵² Н. Н. Чебоксаров, Негроиды и европеиды в Восточной Африке. Антропологический очерк Абиссинии, Эритреи и Сомали, «Антроп. журнал», 1936, № 1; его же, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антроп. журнал», 1936, № 2.

⁵³ Г. Ф. Дебеч, Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы, «Антроп. журнал», 1936, № 3.

⁵⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Кисть ископаемого человека из грота Кийик-Коба, «Палеолит Крыма», М.—Л., 1941, вып. II; его же, Скелет стопы и голени ис-

двухтомное исследование Г. А. Бонч-Осмоловского, в котором дается уникальное по полноте описание морфологических особенностей стопы и кисти палеоантропов и предлагается оригинальная концепция их эволюции. К этому же десятилетию относится и гораздо более тесный контакт советских антропологов с морфологами, физиологами и психологами, что нашло выражение в интересе к некоторым морфологическим закономерностям антропогенеза⁵⁵, в увязке данных о высшей нервной деятельности обезьян с учением о происхождении человека⁵⁶ и т. д. Появилось и несколько сводных работ, трактующих проблему антропогенеза в целом⁵⁷.

Закономерное развитие всех этих больших начинаний в разных областях антропологической науки было прервано Великой Отечественной войной. В послевоенные годы советские антропологи получили еще большие, чем в довоенный период, возможности для развертывания своих исследований.

К первым послевоенным годам относится публикация ряда капитальных работ, материал для которых был собран еще до войны. Многие из этих трудов были написаны еще в довоенные годы. Фактически третий период в истории советской антропологии можно начинать с их появления. К их числу относятся: сводная работа Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР⁵⁸, исследование Т. А. Трофимовой по антропологии народов Поволжья и Северного Кавказа⁵⁹, работы Н. Н. Чебоксарова по антропологии финноязычных народов и северных этнографических групп русского народа⁶⁰, монографическое описание неандертальского скелета из грота Тешик-Таш⁶¹, монография Н. Ю. Войтониса о высшей нервной деятельности приматов⁶² и некоторые другие. Таким образом, в научный оборот были введены первоклассные данные, значительно повлиявшие на организацию дальнейших исследований и имевшие своим результатом уточнение многих теоретических положений в учении о происхождении человека и расоведении.

С организацией нового антропологического центра в Москве — сектора антропологии Института этнографии АН СССР вместе с ленинградской его частью — значительно расширился масштаб изучения антропологического состава Советского Союза. Внимание прежде всего было уделено тем территориям и народам, которые еще не были обследованы антропологическими экспедициями. Были изучены народы Чукот-

копаемого человека из грота Киик-Коба, «Палеолит Крыма», 1954, вып. III; Г. Ф. Дебец, Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш, Труды Узбекстанского филиала АН СССР, сер. I, Ташкент, 1940, вып. I.

⁵⁵ Я. Я. Рогинский, Весовой указатель мозга, «Антроп. журнал», 1933, № 1—2.

⁵⁶ Н. Ю. Войтонис, Характерные особенности поведения обезьян, «Антроп. журнал», 1936, № 4.

⁵⁷ М. Ф. Нестурх, Человек и его предки; его же, Антропогенез, в кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология, М., 1941.

⁵⁸ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948.

⁵⁹ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. VII, М.—Л., 1949.

⁶⁰ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 2; его же, Ильменские поозеры, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. I, М.—Л., 1947.

⁶¹ «Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949; В. В. Бунак, Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш, Узбекистан. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIII, М.—Л., 1951.

⁶² Н. Ю. Войтонис, Предыстория интеллекта (к проблеме антропогенеза), М.—Л., 1949.

ки и Камчатки⁶³, народы Амура⁶⁴, тофалары и восточные тувинцы⁶⁵, некоторые труднодоступные группы тунгусов⁶⁶, якуты⁶⁷, чулымские татары⁶⁸. В Средней Азии было осуществлено обследование памирских народов⁶⁹.

Наряду с заполнением «белых пятен» на антропологической карте СССР встал вопрос о сплошном широкомасштабном изучении отдельных территорий Советского Союза с охватом максимального числа групп, но силами преимущественно одного работника с тем, чтобы получить наиболее сравнимые материалы. Необходимость этого диктовалась тем обстоятельством, что только такие материалы позволили бы решать проблемы этногенеза морфологически близких и генетически родственных групп. С этой целью были организованы обширные работы на Кавказе⁷⁰, на Украине⁷¹, в Прибалтике⁷², среди различных территориальных групп русского народа⁷³, в Киргизии и сопредельных районах⁷⁴, в Бурятии⁷⁵. К сожалению, полная унификация данных при сборе всех этих материалов не всегда была достигнута, но тем не менее они значительно продвинули вперед наши знания об антропологическом составе и происхождении многих народов и обогатили советских специалистов опытом в организации таких больших по объему работ.

Разумеется, все эти исследования не могли быть проведены силами только столичных учреждений. В ходе изучения антропологического состава отдельных республик выросли кадры молодых специалистов, которые составили ядро новых антропологических лабораторий. Такие лаборатории были организованы в системе Институты истории АН Азербайджанской, Латвийской и Эстонской ССР, Института истории Дагестанского филиала АН СССР, Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР. Большинство этих лабораторий ведет работу в области этнической антропологии, но некоторые, напри-

⁶³ Г. Ф. Дебел, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVII, М., 1951.

⁶⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958.

⁶⁵ М. Г. Левин, К антропологии Южной Сибири (Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 г.), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XX, 1954.

⁶⁶ Ю. Г. Рычков, Материалы по антропологии западных тунгусов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXI, М., 1961.

⁶⁷ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», III, 1947.

⁶⁸ Н. С. Розов, Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, «Вопросы антропологии», 1961, вып. 6.

⁶⁹ Ю. Г. Рычков, Памирская антропологическая экспедиция 1957 г., «Вопросы антропологии», 1960, вып. 1.

⁷⁰ См.: М. Г. Абдушелишвили, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1963; А. Г. Гаджиев, К этнической антропологии народов Дагестана, «Вопросы антропологии», 1962, вып. 12.

⁷¹ См., например: В. Д. Дяченко, Указ. раб.

⁷² М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. II, М., 1959.

⁷³ В. В. Бунак, Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXVI, 1962.

⁷⁴ Н. Н. Миклашевская, Соматологические исследования в Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956; И. М. Золотарева, Соматологические исследования в Ферганской долине, там же.

⁷⁵ И. М. Золотарева, Этническая антропология бурят, «Этнографический сборник», Улан-Удэ, 1960, вып. 1.

мер лаборатории Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР и Института искусствознания, фольклора и этнографии АН Украинской ССР, занимаются проблемами физического развития.

Наряду с размахом исследований современного населения значительно возросли в результате интенсивных археологических раскопок палеоантропологические материалы. Фактически многие области только после войны были изучены в палеоантропологическом отношении с достаточной полнотой. К их числу относятся Грузия⁷⁶, Азербайджан⁷⁷, Дагестан⁷⁸, Украина⁷⁹, Молдавия⁸⁰, многие республики Средней Азии⁸¹, Поволжье и Приуралье⁸², Эстония⁸³. В то же время уделялось большое внимание сбору краниологических материалов из близких к современности могильников, что позволило осуществить надежное сопоставление соматологических и палеоантропологических данных⁸⁴.

Все перечисленные мероприятия дали возможность значительно более широко, чем это делалось раньше, использовать антропологический материал в качестве полноценного исторического источника, в первую очередь для исследования проблем этногенеза. Было опубликовано

⁷⁶ М. Г. Абдушелишвили, К палеоантропологии Самтаврского могильника, Тбилиси, 1954; его же, Черепа из поздних погребений Самтаврского могильника, Труды Ин-та эксперимент. морфологии АН ГрузССР, т. VIII, Тбилиси, 1960.

⁷⁷ Р. М. Касимова, Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа), Баку, 1960.

⁷⁸ А. Г. Гаджиев, Данные по палеоантропологии Дагестана, «Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР», т. X, Махачкала, 1962.

⁷⁹ И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы из ранненеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье, «Сов. этнография», 1958, № 1; его же, Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк), Л., 1963; Г. П. Зиневич, Антропологические особенности древнего населения Украины, Киев, 1964; Т. С. Кондукторова, Материалы по палеоантропологии Украины. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXIII, М., 1956; ее же, Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I, «Сов. антропология», 1957, № 2; ее же, Палеоантропологічні матеріали Вовнизьких пізньонеолітичних могильників, «Матеріали з антропології України», Київ, 1960, вип. 1.

⁸⁰ М. В. Великанова, Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXI, М., 1961; ее же, Антропологический материал Выхватинского могильника, в кн.: Т. С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 84, М., 1961.

⁸¹ Литературу см.: Т. А. Трофимова, Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии, «Сов. этнография», 1960, № 2.

⁸² М. С. Акимов, Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья, «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7; В. В. Гинзбург, Этнические связи древнего населения Волгоградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника), МИА, № 60, М., 1959; Г. Ф. Дебеч, Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья, МИА, № 42, М., 1954.

⁸³ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, М., 1956; K. Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum, «Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakaustkirja finska fornminnes föreningsens tidskrift», т. 59, Helsinki, 1958, № 4.

⁸⁴ М. Г. Абдушелишвили, Материалы к краниологии Кавказа, Труды Ин-та эксперимент. морфологии АН ГрузССР, т. V, Тбилиси, 1955; М. С. Акимов, Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIII, 1955; ее же, Краниологическая характеристика мордвы-эрзи, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXIII, М., 1960; В. П. Алексеев, Историческое значение морфологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР, «Изв. АН Латв. ССР», серия обществ. наук, 1963, № 10; В. В. Бунак, Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, М.—Л., 1953; В. В. Гинзбург, Краниологическая характеристика узбеков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXXII, М., 1963.

большое количество работ, специально трактующих происхождение того или иного народа в свете антропологических данных⁸⁵. Как теоретическая основа для этих работ были разработаны и сформулированы основные принципы использования антропологического материала как исторического источника⁸⁶.

В области антропогенеза накопление конкретного материала шло в разнообразных направлениях. Прежде всего следует отметить экспериментальное изучение высшей нервной деятельности обезьян, особенно антропоидов. Помимо труда Н. Ю. Войтониса, в котором было выдвинуто плодотворное представление об ориентировочно-исследовательской деятельности у обезьян, были опубликованы обстоятельные работы Э. Г. Вацуро⁸⁷, Г. З. Рогинского⁸⁸ и Н. Н. Ладыгиной-Котс⁸⁹, продолжившие хорошую традицию предшествующих лет⁹⁰. Большое внимание уделялось и уделяется сравнительной анатомии приматов⁹¹. Обсуждался вопрос и о филогенетических связях различных групп приматов⁹².

Наряду с этим был введен в науку новый конкретный материал по ископаемым гоминидам. Это находки в мустьерской пещере Староселье (Крым)⁹³ и на верхнепалеолитических стоянках Воронежской области⁹⁴. Они выявили два факта кардинального значения: появление человека современного типа в позднемустьерское время и проживание на юге Русской равнины в верхнем палеолите людей, морфологически близких к представителям тропического расового ствола. Подробно и тщательно были описаны также черепные крышки переходного типа, найденные на территории Русской равнины и отличающиеся некоторыми примитивными особенностями⁹⁵. Критическое отношение к западноевропейским находкам позволило высказать интересные соображения об их морфологии и месте в системе гоминид⁹⁶.

Теоретическая разработка проблем антропогенеза заключалась в выделении ключевых моментов этого процесса и рассмотрении всей совокупности относящихся к ним фактов под углом зрения марксистской диалектики. К числу таких моментов относятся: соотношение био-

⁸⁵ См., например: Г. Ф. Дебец, Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956.

⁸⁶ Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1.

⁸⁷ Э. Г. Вацуро, Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе), М., 1948.

⁸⁸ Г. З. Рогинский, Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе), Л., 1948.

⁸⁹ Н. Н. Ладыгина-Котс, Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе), М., 1959.

⁹⁰ См.: Н. Н. Ладыгина-Котс, Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эволюциях, играх, привычках и выразительных движениях, М., 1935.

⁹¹ См., например: Д. А. Жданов, К сравнительной морфологии главных лимфатических стволов и узлов туловища приматов, «Журнал общей биологии», т. VIII, 1946, № 2.

⁹² М. А. Гремяцкий, Филогенетическое единство приматов, «Вестник МГУ», серия VI, 1955, № 4—5.

⁹³ Я. Я. Рогинский, Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье, «Сов. этнография», 1954, № 1.

⁹⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропологические находки в Костёнках, «Сов. этнография», 1955, № 1; его же, Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костёнки XVIII), «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 82, 1961.

⁹⁵ М. А. Гремяцкий, Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному, «Уч. зап. МГУ», вып. 115, 1948.

⁹⁶ Я. Я. Рогинский, К вопросу о древности человека современного типа (местосванскомбского черепа в системе гоминид), «Сов. этнография», 1947, № 3.

логических и социальных закономерностей на протяжении эволюции семейства гоминид, движущие силы процесса антропогенеза на разных его этапах, число этих этапов и характер перехода между ними; темпы эволюции, происхождения мышления и речи⁹⁷. Кроме того, большая работа была проведена по выявлению путей эволюции в пределах семейства гоминид — прародины человечества⁹⁸, генетических связей отдельных групп палеоантропов⁹⁹, очагов формирования человека современного вида¹⁰⁰.

В области морфологии человека продолжалось теоретическое исследование закономерностей, лежащих в основе конституциональной соматологии, — морфофизиологических корреляций, условий их устойчивости, изменений в процессе роста, иными словами — проблемы интеграции¹⁰¹. Уточнялись также характеристики физического развития — удельный вес, размерные соотношения, физиологические показатели¹⁰². К изучению конституциональных особенностей и характеристик физического развития были привлечены различные методы фракционирования человеческого тела на составляющие его компоненты¹⁰³. Полученные данные широко сопоставлялись с результатами изучения морфофизиологических особенностей различных групп спортсменов¹⁰⁴. Наконец, была разработана и успешно применяется (в частности, в полевых условиях) рентгенофотометрическая методика изучения морфофункциональных свойств, в первую очередь скелета человека *in vivo*¹⁰⁵.

Предшествующие достижения размерной типологии и стандартизации были обобщены в нескольких крупных трудах, подводивших итоги тем исследованиям, которые были проведены московскими антропологами еще до войны, и намечавших перспективы дальнейших работ¹⁰⁶. Одновременно с подведением итогов большое внимание было уделено усовершенствованию математического аппарата в работах по стандартизации¹⁰⁷. Рамки этих работ были значительно расширены, в них включены дети и подростки, что существенно увеличило практическое значение проводимых исследований¹⁰⁸. В ответ на запросы этой области стандартизации были предложены эффективные математические

⁹⁷ В. В. Бунак, Происхождение речи по данным антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951; Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, там же.

⁹⁸ Г. Ф. Дебед, Территория СССР и проблема родины человека, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XVII, 1952.

⁹⁹ См., например: В. П. Якимов, О двух морфологических типах европейских неандертальцев, «Природа», 1949, № 10.

¹⁰⁰ Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949.

¹⁰¹ А. А. Малиновский, Элементарные корреляции и изменчивость свойств человеческого организма, Труды Ин-та цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, т. II, 1948, вып. 1; Я. Я. Рогинский, Закономерности связей между признаками в антропологии, «Сов. этнография», 1962, № 5.

¹⁰² См.: П. Н. Башкиров, Учение о физическом развитии человека, М., 1962.

¹⁰³ К. П. Ханина, Определение состава тела человека по удельному весу, «Вопросы антропологии», 1962, вып. 10.

¹⁰⁴ П. Н. Башкиров, Физкультурная антропология, ее задачи и связь с антропологией, «Вопросы антропологии», 1960, вып. 4.

¹⁰⁵ Т. И. Алексеева, Н. С. Смирнова, О. М. Павловский, Прижизненное определение минеральной насыщенности скелета человека с помощью рентгенофотометрии, «Вопросы антропологии», 1963, вып. 15.

¹⁰⁶ «Теория и методы антропологической стандартизации применительно к массовому производству изделий личного пользования», М., 1951; «Материалы конференции по морфологии человека», М., 1956.

¹⁰⁷ М. В. Игнатьев, Биометрия в народнохозяйственном применении антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 2.

¹⁰⁸ В. В. Бунак, Физическое развитие и соматические типы в период роста, Труды IV конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии, М., 1960.

приемы анализа возрастной изменчивости многих измерительных признаков и их сочетаний¹⁰⁹. С другой стороны, по поручению Совета Министров СССР Институт антропологии МГУ осуществил новое планомерное обследование населения Советского Союза с целью получить достаточно большой материал для дифференцированной разработки стандартов предметов личного пользования по районам. Обследованием было охвачено несколько десятков тысяч человек. Результаты этой грандиозной работы опубликованы лишь частично, но собранный материал уже сейчас позволяет осветить ряд вопросов соматологии — территориальное распределение различных вариантов пропорций тела, корреляции некоторых морфологических особенностей и т. д.¹¹⁰

Теоретическая разработка основ антропологической науки и конкретные исследования в области морфологии, антропогенеза и расоведения имели своим следствием создание еще более крепкой идеологической и фактической базы для борьбы с расизмом. Продолжение этой борьбы было обусловлено тем обстоятельством, что расистские концепции, как известно, не исчезли с разгромом фашизма и процветают в Западной Германии, Соединенных Штатах Америки и Южно-Африканской Республике в форме так называемого «психорасизма». Поэтому разоблачение расистской идеологии на современном этапе ее развития требует не только собственно антропологической аргументации, но и привлечения широкого комплекса данных различных дисциплин — этнографии, психологии, социологии. Такая комплексная критика современных форм расизма и была осуществлена в ряде работ¹¹¹.

Все эти мероприятия были проведены в достаточно широком масштабе. Их результаты были доведены до советской и мировой общественности периодическими изданиями «Советская этнография» и «Вопросы антропологии», систематически печатающими антропологические работы и освещающими основные достижения антропологической науки. Кроме этих изданий, антропологические публикации постоянно появлялись на страницах «Кратких сообщений Ин-та этнографии АН СССР», «Кратких сообщений Ин-та археологии АН СССР», «Сборника Музея антропологии и этнографии АН СССР», «Известий» республиканских академий наук и т. д. Более крупные работы находили себе место в «Трудах Ин-та этнографии АН СССР»¹¹². Все эти издания позволили ввести в научный оборот накопленные данные и результаты разработки теоретических проблем, а также организовать обмен мнениями по спорным вопросам антропологической науки. В качестве примера можно указать на дискуссии, посвященные принципам расовых классификаций¹¹³ и методам расового анализа¹¹⁴.

¹⁰⁹ М. В. Игнатьев, О выделении размерных вариантов в период роста человека, «Сов. антропология», 1958, № 4.

¹¹⁰ См.: «Размерная типология взрослого и детского населения (для целей конструирования одежды)», т. I—II, М., 1960.

¹¹¹ См., например: Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XII, М., 1951; Сб. «Современная психология в капиталистических странах», М., 1963.

¹¹² О литературе, вышедшей за последние 25 лет, см.: Н. Г. Залкинд, М. И. Урысон, Список важнейшей антропологической литературы, опубликованной в СССР (1937—1957), «Сов. антропология», 1958, № 3.

¹¹³ В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; Г. Ф. Дебеч, О принципах классификации человеческих рас (по поводу статьи В. В. Бунака «Человеческие расы и пути их образования»), Сов. этнография, 1956, № 4.

¹¹⁴ Г. Ф. Дебеч, Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы, «Сов. этнография», 1959, № 3; Я. В. Чекановский, К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебечем, «Сов. этнография», 1962, № 4.

Таковы основные этапы истории антропологических исследований в СССР¹¹⁵. Разумеется, они не могли быть охарактеризованы сколь-нибудь подробно. Ниже дается обзор наиболее существенных проблем, которые особенно занимали внимание советских антропологов и теоретическая разработка которых во многом определила направление развития антропологической науки в Советском Союзе.

Морфофизиологические корреляции и проблема конституции

Изучение проблемы морфофизиологических зависимостей в организме человека велось в двух аспектах — как части более общей проблемы целостности организма или проблемы интеграции и в связи с изменением их роли на разных этапах формообразования, т. е. в первую очередь в процессе антропогенеза.

Прежде всего был накоплен значительный материал по величинам и направлению связей между разнообразными признаками¹¹⁶. Это позволило получить эмпирическое представление о роли отдельных систем органов и их взаимном влиянии в процессе роста. Затем было показано, что наличие достаточно четко выраженной статистической связи между признаками само по себе недостаточно для утверждения факта причинной зависимости их друг от друга. В ряде случаев статистическая связь является функцией действия какого-то общего фактора, оказывающего влияние на развитие обоих статистически связанных признаков¹¹⁷. Таким образом, многообразие связей часто сводится к сравнительно небольшому числу ведущих факторов. Именно их совокупность и определяет, очевидно, конституциональные особенности организма в целом. На этом пути была вскрыта, например, тесная связь такой специфической особенности, как близорукость, с ослаблением соединительной ткани во всем организме¹¹⁸.

Этот принцип подхода к конституции оказался плодотворным и при выделении конституциональных типов. Он предостерег против увлечения поисками одной ведущей системы, которая определяла бы развитие всех остальных систем человеческого тела. Аналогичная попытка, как известно, была сделана А. А. Богомольцем, выдвинувшим на роль ведущей систему соединительной ткани¹¹⁹. Но эта попытка не получила поддержки в дальнейших работах, и все они базировались на представлении о нескольких независимых факторах, определяющих конституцию. Их количество и дефиниция до сих пор являются предметом дискуссии¹²⁰, но дискуссия эта не носит принципиального характера.

Установление того или иного уровня морфофизиологических зависимостей происходит при помощи определенных онтогенетических приспособ-

¹¹⁵ См. также: М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Советская антропология к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Сов. этнография», 1957, № 5; Г. Ф. Дебец, 40 лет советской антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 1.

¹¹⁶ В. В. Бунак, Опыт типологии и стандартизации пропорций тела; Я. Я. Рогинский, Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека, «Уч. зап. МГУ», вып. 166, 1954; Ю. С. Куршакова, Статистические корреляции как средство выражения морфологической целостности в процессе роста и развития у человека (в частности, на примере роста сегментов конечностей), М., 1962.

¹¹⁷ См. А. А. Малиновский, Указ. раб.

¹¹⁸ См.: А. А. Малиновский, О корреляциях близорукости у человека с анатомо-физиологическими особенностями организма, «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7.

¹¹⁹ А. А. Богомолец, Введение в учение о конституциях и диатезах.

¹²⁰ См.: П. Н. Башкиров, Некоторые теоретические вопросы учения о конституции человека, «Сов. антропология», 1958, № 3.

соблений. Их исследование еще только начинается. Но нельзя не отметить наличие связи в уровне развития того или иного признака с тем периодом в его возрастной динамике, на который падает ускорение роста данного признака вообще для всех родственных форм — подвидов внутри вида, видов внутри рода и т. д. Я. Я. Рогинский назвал это явление в изменении онтогенеза «способом использования градиентов роста» или «способом использования ранее сложившихся ростовых тенденций» и отметил его значение в эволюции и возрастной изменчивости человека ¹²¹.

Изучение эволюционных изменений конституциональных типов затруднено вполне понятной невозможностью определить многие важные конституционные характеристики у ископаемых гоминид. Поэтому в применении к антропогенезу речь шла только об исследовании некоторых морфофизиологических зависимостей, характерных в основном для скелета. Значение этих зависимостей в процессе антропогенеза было продемонстрировано прежде всего на примере их устойчивости в случае полезности для организма. Конкретно было указано на устойчивость пропорций тела и корреляций в суставах конечностей, как полезных приспособлений, сохраняющих и поддерживающих известную устойчивость высокоадаптивной морфологической структуры ¹²².

Эта устойчивость морфофизиологических корреляций, характерная, кстати сказать, для родственных форм до уровня семейства, а то и выше ¹²³, во многих случаях обусловила различное направление в эволюции органов на разных этапах антропогенеза в зависимости от того, какой из двух взаимосвязанных органов приобретал первостепенное приспособительное значение. В этих случаях система коррелированных органов выступала как нечто целостное, как некое единство, на которое среда и отбор действовали с разных сторон. В качестве примера приводилась взаимозависимость, существовавшая в процессе эволюции между развитием кисти и стопы ¹²⁴. Позже аналогичное явление было отмечено и в эволюционных изменениях некоторых других взаимосвязанных органов ¹²⁵. Наконец, значение морфофизиологических корреляций в эволюции сказывается и в том, что они до известной степени обуславливают характер межгрупповой дифференциации, определяя, по каким признакам (ими оказываются мало коррелированные признаки) осуществляется расхождение между наиболее удаленными друг от друга систематическими категориями ¹²⁶.

¹²¹ Я. Я. Рогинский, О формировании пропорций тела путем усиления градиентов роста (в связи с проблемой антропогенеза), «Вопросы антропологии», 1960, вып. 2.

¹²² Я. Я. Рогинский, Об устойчивости характерного для вида типа пропорций тела (к вопросу о приспособительной роли проявлений «неопределенной изменчивости»), «Зоологический журнал», т. XXXVI, 1957, вып. 1.

¹²³ Я. Я. Рогинский, Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека.

¹²⁴ В. П. Алексеев, Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте кинк-кобинца среди неандертальских форм), Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. L, М., 1960.

¹²⁵ В. П. Алексеев, О роли морфологических корреляций в процессе антропогенеза (к эволюционной морфологии человека), «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. XLIII, 1964, № 3.

¹²⁶ Я. Я. Рогинский, О некоторых результатах применения количественного метода к изучению морфологической изменчивости, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. XXXVI, 1959, № 1.

Физическая крепость организма и учение о физическом развитии

Основная тенденция в изучении физического развития организма сводилась к дифференциации понятий здоровья и физической крепости организма. Для определения первого потребны многие физиологические характеристики, получение которых возможно в клинических условиях, но все же затруднительно при массовых обследованиях¹²⁷. Что же касается физического развития, то оно определялось как мера физических сил организма, мера способности организма произвести ту или иную работу¹²⁸. При этом организм рассматривается как система, способная произвести определенное механическое усилие. В. В. Бунак справедливо отмечал, что и при таком понимании немалое значение имеют физиологические факторы, например, нервный импульс и утомляемость, но в силу тех же практических трудностей предпочтение в характеристике физического развития было отдано морфологическим показателям — массе, плотности и форме тела.

Прямое определение этих показателей с достаточной точностью и в то же время практически доступное по своей легкости возможно лишь для массы тела. Плотность тела, выражаемая удельным весом, обычно определяется не при помощи сопоставления веса тела с эмпирически полученным объемом, а вычисляется по сопоставлению веса с объемом, который находится по длине и объемным или поперечным размерам тела¹²⁹. Наконец, форма тела рассматривается как функция соотношения длины тела с обхватом груди¹³⁰ или поперечником плеч¹³¹. Такие признаки, как жизненная емкость легких, экскурсия грудной клетки, сила отдельных групп мышц, были подвергнуты критике в качестве индикаторов физического развития и не получили широкого распространения в практической работе¹³². Однако было указано, что частичная экскурсия грудной клетки и динамометрическая характеристика силы мышц при использовании достаточно совершенных динамометров и при соблюдении определенных условий сбора данных могут дать некоторую дополнительную информацию о физическом развитии и, следовательно, до известной степени послужить дополнительными показателями уровня физического развития.

Разработка методики практической оценки физического развития была тесно связана с изучением соотношений размеров и возрастной изменчивости. В частности, огромное влияние на нее оказало установление факта непропорционального изменения тотальных размеров тела при увеличении длины тела, т. е. утверждение в возрастной морфологии принципа гетероморфии вместо принципа изоморфии¹³³. Последо-

¹²⁷ П. Н. Башкиров, Некоторые теоретические вопросы учения о физическом развитии человека, «Сов. антропология», 1959, № 1.

¹²⁸ В. В. Бунак, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека.

¹²⁹ См., например: П. Н. Башкиров, Удельный вес тела взрослых мужчин и факторы, определяющие его изменчивость, «Уч. зап. МГУ», вып. 166, 1954.

¹³⁰ В. В. Бунак, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека.

¹³¹ П. Н. Башкиров, Форма тела как показатель физической крепости организма, «Сов. антропология», 1958, № 7.

¹³² П. Н. Башкиров, Жизненная емкость легких, экскурсия грудной клетки и сила отдельных мышечных групп как признаки физического развития человека, «Сов. антропология», 1958, № 1.

¹³³ А. И. Ярхо, О взаимоотношении роста, веса и окружности грудной клетки и их значении для оценки физического развития человека, «Русский антроп. журнал», т. 13, 1924, вып. 3—4; В. В. Бунак, Закономерности относительного роста как основного фактора формообразования в позднем (постэмбриональном) онтогенезе, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. X, 1961, № 2.

вательное применение этого принципа с необходимостью приводило к невозможности пользоваться различными индексами физического развития для его характеристики. Эти индексы были подвергнуты как фактической, так и теоретической критике, и советские специалисты отказались от них в своей практической деятельности. Вместо них были предложены оценки физического развития по шкалам регрессии¹³⁴ и распределению численности сочетаний признаков¹³⁵. Первый из этих методов был перенесен и на оценку физического развития в групповом масштабе¹³⁶.

Трудовая теория антропогенеза

Переходя к антропогенезу, следует подчеркнуть, что именно в этой области антропологии диалектико-материалистическое мировоззрение привело к принципиально новому подходу ко всему процессу и дало возможность выдвинуть представления, в которых было синтезировано рассмотрение биологической природы человека и его специфики как социального существа. Действительно, многие существующие гипотезы антропогенеза в своей общей части, например гипотезы Д. Монтандона, Л. Болька, Ф. Вейденрейха, рассматривают человека лишь с биологической точки зрения. Не отрицая социальной природы человека, авторы этих гипотез в то же время не делают из этого обстоятельства конкретных выводов и продолжают смотреть на эволюцию человека, сквозь призму биологических закономерностей. В этом — одна из причин, почему эти гипотезы не могли удовлетворить потребности во всеобъемлющей теории антропогенеза и были подвергнуты критике в советской антропологической литературе¹³⁷. С другой стороны, и противоположная тенденция — полностью отрывать от биологии происхождение таких специфически человеческих качеств, как мышление и речь, также не могла быть принята, как идеалистическая¹³⁸.

Разумный синтез биологических и социальных закономерностей в происхождении человека был достигнут в трудовой теории антропогенеза Ф. Энгельса, развитой в 1873—1876 гг. в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». В ней материалистическое понимание истории распространено на самый процесс возникновения человека: если для истории классового общества определяющими моментами являются развитие производительных сил и формы производственных отношений, то и здесь на заре складывания производственных отношений основную роль играли уровень развития производительных сил, совместное производство, совместный труд, сплачивавший членов первобытных коллективов в монолитное целое и способствовавший достижению того уровня постоянной связи между ними, при котором необходимым становилось появление речи как дифференцированной формы передачи информации от одного члена коллектива к другому.

¹³⁴ См., в частности: В. В. Бунак, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека.

¹³⁵ А. В. Пугачева, Построение номограмм для определения относительной численности сочетаний трех размеров, «Материалы конференции по морфологии человека», М., 1956.

¹³⁶ В. В. Бунак, Межгрупповая шкала физического развития, «Уч. зап. Центрального Ин-та физич. культуры», 1947, вып. 2.

¹³⁷ М. А. Гремяцкий, Ологенизм Монтандона, «Антроп. журнал», 1934, № 1—2; Я. Я. Рогинский, Помоложение в процессе человеческой эволюции (изложение и критика теории Л. Болька); М. Ф. Нестурх, Ископаемые гигантские антропиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейха, «Уч. зап. МГУ», вып. 166, 1954.

¹³⁸ См., например: М. В. Желнов, Неотомистская фальсификация современно теории происхождения видов и человека, «Вестник МГУ», серия VIII, 1960, № 5.

Однако убедительный показ социального аспекта антропогенеза и выявление решающей роли социального фактора — труда в становлении человека не исчерпывают позитивных достижений трудовой теории антропогенеза. Придавая немалую роль некоторым биологическим факторам — развитию подвижности кисти и ее способности к тонкому манипулированию, увеличению объема и качественной дифференциации мозга, повышению удельного веса мясной пищи и ее качественной обработке с помощью огня (с чем было связано, очевидно, изменение биохимического режима человеческого организма), — эта теория синтезирует их действие на основе общего фактора — трудовой деятельности древних гоминид, показывает их подчиненное значение и в то же время вскрывает механизм их взаимодействия. Поэтому она свободна от крайностей других гипотез, придающих каждому из этих отдельных факторов решающее значение, но бессильных объяснить их связь между собой.

Разработка трудовой теории антропогенеза в советской литературе осуществляется по линии изучения обоих ее аспектов — биологического и социального. В ряде исследований были выяснены этапы развития кисти как на палеоантропологическом¹³⁹, так и на сравнительно-морфологическом материале¹⁴⁰. Исследовались и функциональные свойства кисти в процессе антропогенеза¹⁴¹. Большое внимание было уделено изучению основных этапов развития мозга у ископаемых гоминид и функциональному истолкованию его морфологической структуры¹⁴². Пожалуй, из всех указанных Ф. Энгельсом биологических факторов антропогенеза только пищевой фактор и его связь с биохимизмом остаются не исследованными в конкретном выражении ввиду почти не преодолимых и в настоящее время трудностей такого исследования, хотя теоретическое освещение эта сторона процесса происхождения человека получала неоднократно¹⁴³.

Вскрытие конкретной роли трудовой деятельности в связи с происхождением человека потребовало прежде всего изучения предпосылок ее возникновения. Выдающееся значение имели в этой области труды Н. Ю. Войтониса, показавшего, что даже для низших обезьян характерны высокая степень отвлечения от жизненной значимости окружающих их предметов, высокое развитие той формы манипулирования с предметами, которая получила удачное наименование «ориентировочно-исследовательской деятельности»¹⁴⁴. Кроме того, изучалась степень приспособленности различных органов ископаемых гоминид, прежде всего кисти, к производству трудовых операций¹⁴⁵.

Охват такого широкого круга вопросов не мог не породить многочисленных дискуссий. Так, А. Н. Юзефович, рассматривая эволюцию

¹³⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский, Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба.

¹⁴⁰ В. П. Якимов, О противопоставлении большого пальца руки, «Журнал общей биологии», т. X, 1949, № 3.

¹⁴¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, Эволюционное значение противопоставления большого пальца кисти, «Журнал общей биологии», т. V, 1944, № 1.

¹⁴² В. В. Бунак, Внутренняя полость черепа. Вариации ее строения в сопоставлении с вариациями наружной формы, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XV, М.—Л., 1953; В. И. Кочеткова, Эволюция специфических человеческих областей коры мозга гоминид, «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7.

¹⁴³ См., например: С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4.

¹⁴⁴ Н. Ю. Войтонис, Характерные особенности поведения обезьян; его же, Предыстория интеллекта.

¹⁴⁵ С. А. Семенов, О противопоставлении большого пальца руки неандертальского человека, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, XI, 1950.

неандертальской кисти, объяснял все изменения в ней приспособлением ее к труду под влиянием естественного отбора¹⁴⁶. П. И. Борисковский и Л. П. Астанин считают, наоборот, что трудовая деятельность сама по себе могла оказывать прямое влияние на перестройку кисти древнейших и древних гоминид¹⁴⁷. Однако такие расхождения по частным вопросам не носят принципиального характера и не препятствуют утверждению, что трудовая теория антропогенеза является теоретической платформой всех советских исследователей в изучении происхождения человека.

Соотношение биологических и социальных закономерностей в процессе антропогенеза

Естественным выводом из трудовой теории антропогенеза является представление о непостоянном соотношении биологического и социального на протяжении истории семейства гоминид. Соотношение биологических и социальных закономерностей имело, следовательно, динамический характер, и первые постепенно уступали место вторым по мере приближения к концу четвертичного периода.

Однако такая точка зрения, принятая подавляющим большинством советских антропологов, не является единственной в советской литературе о первобытном обществе. Среди историков и археологов имеют хождение и иные концепции, кстати сказать, взаимно исключающие одна другую. Б. Ф. Поршнев развивает идею о появлении истинно человеческого начала только с возникновением человека современного типа. Все предшествующие современному человеку формы ископаемых гоминид, по его мнению, не имели достаточно ясно выраженных человеческих особенностей, их трудовая деятельность отличалась инстинктивным характером и поэтому они с гораздо большим основанием могут быть названы животными, нежели людьми¹⁴⁸. А. Я. Брюсов, наоборот, полагает, что человек возникает в готовом виде с появлением первых орудий труда и поэтому между человеком современного типа и, скажем, питекантропом нет никакой принципиальной разницы¹⁴⁹. Первая из этих точек зрения недооценивает громадное количество фактов, свидетельствующих о чрезвычайно высоком уровне развития первобытной индустрии уже в мустьерскую эпоху, вторая — игнорирует морфологические данные. Поэтому они не были приняты не только антропологами, но и большинством исследователей других специальностей и подверглись убедительной критике¹⁵⁰.

Развиваемая Я. Я. Рогинским и принятая большинством советских антропологов концепция базируется на кардинальном факте несовпадения темпов развития производства и морфологического типа предков человека. За время от верхнего палеолита до современности человечество сделало такой громадный шаг на пути своей технической оснащеннойности, что изменение производства на протяжении нижнего палеолита кажется по сравнению с ним просто ничтожным. Между тем интенсив-

¹⁴⁶ А. Н. Юзефович, Кисть неандертальца, «Природа», 1938, № 9.

¹⁴⁷ П. И. Борисковский, Некоторые вопросы становления человека, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», IX, 1950; Л. П. Астанин, Влияние физических упражнений на пропорции руки человека, «Природа», 1952, № 6.

¹⁴⁸ Б. Ф. Поршнев, Материализм и идеализм в вопросах становления человека, «Вопросы философии», 1955, № 5.

¹⁴⁹ А. Я. Брюсов, рец. на кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Вестник древней истории», 1953, № 2.

¹⁵⁰ Я. Я. Рогинский, К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного физического типа, «Сов. этнография», 1954, № 1.

ное изменение морфологии падает как раз на нижний палеолит. Я. Я. Рогинский убедительно объясняет это кажущееся противоречие снятием роли естественного отбора на рубеже от нижнего палеолита к верхнему, т. е. при появлении человека современного вида. Таким образом, биологические закономерности в форме естественного отбора продолжали действовать в коллективах ископаемых предков человека, чем и объясняется, очевидно, перестройка их морфологии от эпохи к эпохе. С появлением современного человека господствующее место занимают социальные закономерности — закономерности развития производства, и приспособление человека к среде осуществляется не при помощи биологической адаптации, а по пути развития новых форм культуры.

Качественная специфика процесса человеческой эволюции неоднократно заставляла многих исследователей отрицать действие естественного отбора даже на ранних этапах антропогенеза¹⁵¹. Иногда предполагалось, что отбор, действовавший в ранних человеческих коллективах, принципиально отличался от естественного отбора в органическом мире. Г. А. Шмидт предлагал называть его «общественно-трудовым»¹⁵², Ю. И. Семенов — «биосоциальным»¹⁵³. Но правомерность таких терминов пока остается гадательной, так как данных, которые позволили бы провести качественную грань между формами отбора в коллективах древних гоминид и в сообществах животных, нет, и она проводится на основании чисто умозрительных соображений.

Скачки и этапы в эволюции гоминид

Последовательное применение диалектического принципа о скачкообразном характере перехода количественных изменений в качественные требовало изучения основных этапов антропогенеза под этим углом зрения. Была выдвинута гипотеза двух скачков, которая выделяла в качестве таковых наиболее кардинальные периоды в эволюции гоминид: период появления первых орудий труда, начала трудовой деятельности, иначе говоря, возникновения самих гоминид, и период появления человека современного типа¹⁵⁴. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, эти периоды имеют свою специфику и в движущих силах процесса антропогенеза, действовавших на отрезке времени между ними. С возникновением семейства гоминид возникает новое качество, выражающееся в принципиально ином отношении к среде по сравнению с животным миром, и начинают проявлять себя социально-исторические закономерности, с появлением человека современного вида — прекращается действие естественного отбора как формообразующего фактора и общественные отношения выходят из-под контроля биологии.

Исходя из этого, можно было бы выделить в эволюции семейства гоминид два этапа — этап формирования древнейших и древних людей, протерантропов и палеоантропов, как их принято иногда называть, и этап формирования и развития человека современного типа. Если к этим двум этапам прибавить предшествующий им этап антропоидных предков гоминид, то такая трехчленная схема будет охватывать весь

¹⁵¹ В. А. Алексеев, Некоторые проблемы теории антропогенеза, «Вопросы философии», 1959, № 11.

¹⁵² Г. А. Шмидт, Проблема отбора в антропогенезе, «Уч. зап. МГУ», вып. 115, 1948.

¹⁵³ Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962.

¹⁵⁴ См.: Я. Я. Рогинский, Указ. работы; В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951.

процесс антропогенеза в целом. Однако второй из этапов представлен в этой схеме обобщенно, тогда как интенсивная перестройка морфологических особенностей предков современного человека падает именно на него и она-то и составляет по сути дела основное содержание антропогенеза. Поэтому данный этап подразделяется на ряд стадий.

Что касается первой стадии, стадии обезьянолюдей, к которой относятся питекантропы и синантропы и которую удобно называть стадией протерантропов, то ее реальное существование не вызывает особых разногласий, прежде всего вследствие достаточно определенной морфологической характеристики относящихся к ней ископаемых форм. Отличительные черты второй стадии, стадии палеоантропов, и прежде всего место неандертальских форм в филогенетической истории современного человечества вызвали, как известно, оживленную дискуссию, которая продолжается до сих пор.

Подавляющее большинство советских специалистов разделяет мнение А. Грдлички о наличии неандертальской фазы в эволюции гоминид и видит в неандертальском типе конкретное содержание стадии палеоантропов. Таким образом, термин «палеоантропы» в советских работах по антропогенезу практически стал синонимом термина «неандертальцы». Это оказалось возможным потому, что были приведены многочисленные дополнительные аргументы в защиту неандертальской фазы и выдвинуты веские аргументы против противоположных гипотез, в частности, гипотезы глубокой древности человека современного типа¹⁵⁵. Одним из таких аргументов явился убедительный показ многих примитивных особенностей на черепах из Сванскомба и Фонтешевада, наиболее широко привлекавшихся для обоснования гипотезы «пресapiенса».

Итак, необходимость и целесообразность подразделения второго этапа антропогенеза на две стадии и выделения в качестве их стадии протерантропов, или питекантропов-синантропов, и стадии палеоантропов, или неандертальской, представляет собою наиболее распространенный вариант хронологической дифференциации семейства гоминид в советской антропологической литературе. Это находит отражение и в классификации, согласно которой ископаемые формы человека сближаются между собой и противопоставляются современному человеку¹⁵⁶. Однако продолжает существовать также и тенденция приравнивать стадии протерантропов и палеоантропов по их эволюционному значению этапу современного человека¹⁵⁷. Совершенно естественно, что при таком понимании выделяется третий скачок в процессе антропогенеза при переходе от питекантропов-синантропов к неандертальцам.

К аргументации изложенных систем взглядов были привлечены данные о скорости эволюционных изменений отдельных признаков и их комплексов¹⁵⁸. При этом было указано, что по ведущим признакам высокого таксономического значения скорость эволюции при переходе к современному человеку не увеличивается, а резко падает. Это обстоятельство увязывается с фактом снятия естественного отбора.

¹⁵⁵ Я. Я. Рогинский, О проблеме «пресapiенса» в современной литературе, «Сов. этнография», 1959, № 6.

¹⁵⁶ М. А. Гремяцкий, Анатомия человека (для биологов), М., 1950; Г. Ф. Дебец, О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXIII, 1948.

¹⁵⁷ М. Ф. Нестурх, Происхождение человека, М., 1958; его же, Приматология и антропогенез, М., 1960.

¹⁵⁸ Я. Я. Рогинский, Об этапах и темпах эволюции гоминид, «Сов. этнография», 1957, № 6; В. П. Алексеев, О скорости эволюции в пределах семейства гоминид, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

Раса как историческая категория

Учение о расах у человека, как известно, тесно связано с изучением видовых и подвидовых категорий в зоологии и ботанике. В Советском Союзе широкое исследование проблемы вида на материале культурных растений было осуществлено Н. И. Вавиловым и его учениками¹⁵⁹. Н. И. Вавилов активно восставал против сужения понятия вида. Аналогичная точка зрения по отношению к современному человечеству и его расам была наиболее полно аргументирована В. В. Бунаком¹⁶⁰.

Однако неправомерность чисто биологического подхода к расообразованию у человека была отмечена еще в первых работах советских антропологов, появившихся после Октябрьской революции¹⁶¹. С тех пор разработка теории расообразовательного процесса велась по пути вскрытия все более широкого значения факторов социального порядка для понимания этого процесса — интенсивного смешения между представителями разных народов, миграций иногда обширных групп людей на далекие расстояния, демографической структуры популяции, уровня социального и культурного развития. Тщательный учет всех этих факторов позволил наметить два направления в теории проблемы — оценку удельного веса биологических и социальных закономерностей в расообразовании и показ отличий рас человека от рас животных. Первое отличие — потеря расовыми признаками приспособительного значения, их нейтральный характер по отношению к среде¹⁶². Разумеется, по отношению к некоторым признакам это правило имеет исключения, но в целом оно отражает снятие биологического приспособления у современного человека и вытекает из сформулированного выше представления о преимущественной роли социальных факторов в процессах формирования и истории рас. Приспособительный характер расовых различий у человека может быть показан в основном только тогда, когда речь идет о древних особенностях высокого таксономического ранга, таких как пигментация, форма волос, ширина носа, основные соотношения черепной коробки и т. д.¹⁶³

Второе характерное отличие рас человека состоит в неограниченном смешении между ними¹⁶⁴. Оно выражается в образовании поздних типов смешанного происхождения как на границах, так и в глубине ареалов основных расовых делений человечества, в большом числе смешанных вариантов и между близкими, и между далекими единицами расовой классификации, в резком усилении смешения на протяжении последних столетий. Все это — биологические по своей природе процессы, но причиной их в человеческом обществе являются факторы исторического развития человечества.

¹⁵⁹ Н. И. Вавилов, Линнеевский вид как система, М.—Л., 1931; N. I. Vavilov, The new systematics of cultivated plants, в кн.: «The new systematics» (ed. by J. Huxley), London, 1940.

¹⁶⁰ В. В. Бунак, Термин «раса» в зоологии и антропологии, «Русский евген. журнал», т. 7, 1930, вып. 6.

¹⁶¹ См., например: В. В. Бунак, К вопросу об изменении физических признаков европейского населения в последние десятилетия (перед войной), «Русский антроп. журнал», т. 13, 1924, вып. 72.

¹⁶² См., например: Я. Я. Рогинский, Человеческие расы, в кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология, М., 1941.

¹⁶³ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951; С. А. Семенов, О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа, «Сов. этнография», 1951, № 4; В. М. Волков-Дубровин, Я. Я. Рогинский, Гипсистоцефалия как приспособительный признак в тропической зоне, «Вопросы антропологии», 1960, вып. 1.

¹⁶⁴ См.: Я. Я. Рогинский, Человеческие расы; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955.

Наконец, в качестве третьего отличия человеческих рас от рас животных можно назвать характер их ареалов — сокращение и разрыв ареалов, с одной стороны, и увеличение их — с другой¹⁶⁵. Разрыв или резкое изменение географического ареала у животных всегда представляет собою, как известно, функцию биологической истории вида. У человека, наоборот, это явление есть следствие неравномерности исторического развития, различий в уровне развития производительных сил, миграций больших масс населения на далекие расстояния — одним словом, следствие процессов, не имеющих ничего общего с биологией.

Из всего сказанного вытекает и преимущественное значение, которое придается социальным закономерностям в объяснении путей и причин расообразования у человека. Хотя раса и у человека осталась биологической категорией, так как расовая дифференциация человечества охватывает морфофизиологические особенности организма, а естественно-историческая закономерность — естественный отбор — действовала на ранних этапах расообразования, но управляют процессами расообразования преимущественно социально-исторические причины. Все это позволило выдвинуть и утвердить понятие о расе, как об исторической категории, подразумевая под этим, с одной стороны, динамический характер расы, с другой — тесную связь расы у человека со всем многообразием социальной среды¹⁶⁶.

Некоторые аспекты расового анализа

Взгляд на расу, как на историческую категорию, отражается на отдельных фазах расоведческого исследования и во многом определяет подход к тому или иному конкретному материалу. Это обстоятельство нашло отражение в последовательном и четком проведении через все расогенетические исследования двух основных принципов расового анализа — принципа таксономической неравноценности расовых категорий и принципа нарушения физиологических корреляций.

Первый из них был сформулирован А. И. Ярхо¹⁶⁷. Он совершенно правильно подметил разное значение отдельных расовых признаков для дифференциации и выделения расовых типов. Так, некоторые признаки образуют обширные ареалы и характеризуют основные расовые деления человечества в целом. Эти признаки А. И. Ярхо назвал таксономическими признаками первого порядка. Несколько позже представление о них было распространено на палеоантропологический материал¹⁶⁸.

Целая группа признаков отличается от признаков первого порядка более дисперсным географическим распределением и дифференцирует расовые типы более узкого локального значения, которые А. И. Ярхо назвал расами второго порядка. Однако иерархический принцип соподчинения расовых признаков и расовых категорий можно продолжить и дальше. При достаточно полном охвате соматологических и палеоантропологических материалов соподчинение признаков может быть прослежено вплоть до локальных вариантов антропологического типа внутри одной этнической группы. Таким образом, принцип таксономи-

¹⁶⁵ См. А. И. Ярхо, Против идеалистических течений в расоведении СССР; Я. Я. Рогинский, Человеческие расы; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии.

¹⁶⁶ В. В. Бунак, Раса как историческое понятие.

¹⁶⁷ А. И. Ярхо, Ганджинские тюрки, «Антроп. журнал», 1932, № 2; его же, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа, «Антроп. журнал», 1933, № 1—2; его же, О некоторых вопросах расового анализа; его же, Алтае-Саянские тюрки.

¹⁶⁸ См.: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР.

ческой неравноценности расовых категорий удачно обобщает все этапы расовой дифференциации, начиная с больших рас человечества и кончая расовыми вариантами местного значения.

Этот принцип был бы лишь абстрактной схемой, непригодной в практической работе, если бы не были предложены надежные критерии для определения таксономической ценности признаков как на соматологическом, так и на палеоантропологическом материале. Два из них четко сформулированы Г. Ф. Дебецом¹⁶⁹, третий — Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным¹⁷⁰. Это — древность признака, широта и компактность его ареала и, наконец, закономерный характер географического распределения признака по сравнению с дисперсным географическим распространением других признаков.

Принцип таксономической неравноценности сыграл огромную роль при сопоставлении различных этнических групп и выяснении их генетических взаимоотношений, т. е. при межгрупповом анализе. Он открывает новую страницу в расогенетических исследованиях, а его применение полностью снимает те трудности, которые возникают при использовании различных способов суммарного сопоставления групп и которые отражены в многочисленных критических работах об этих способах¹⁷¹. Но при выяснении расового состава отдельной популяции, при внутригрупповом анализе не меньшее значение приобретает другой принцип расоведческого исследования — принцип нарушения морфологических или физиологических корреляций.

Предпосылки установления этого принципа насчитывают шестидесятилетнюю давность, когда в работах английских биометриков впервые было указано на разницу в величинах межгрупповой и внутригрупповой изменчивости. Но эта разница осталась в стадии констатации факта до исследований известного русского антрополога Е. М. Чепурковского¹⁷². Он сумел уловить в этом явлении отражение процессов расообразования и отчетливо показал, что разница в величинах внутригрупповой и межгрупповой связи между признаками есть результат интенсивно идущих расообразовательных процессов. Таким образом, чем больше разница в показателях внутригрупповой и межгрупповой корреляции, тем, очевидно, больше интенсивность расообразовательного процесса и наоборот.

Применение этих общих положений к анализу конкретного материала также в значительной мере связано с именем А. И. Ярхо, которому и принадлежит формулировка принципа нарушения физиологических корреляций¹⁷³. Он показал, что значительное отличие коэффициентов корреляции между признаками в какой-нибудь группе от аналогичных коэффициентов в гомогенной популяции всегда является следствием смешанности этой группы. Таким образом, при внутригрупповом анализе нарушение физиологических корреляций играет не меньшую роль, чем соподчинение расовых категорий при межгрупповом.

¹⁶⁹ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области.

¹⁷⁰ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.

¹⁷¹ Об этом см., в частности: Г. Ф. Дебеч, М. В. Игнатъев, О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии (школа Чекановского), Труды Ин-та антропологии МГУ, вып. IV, М.—Л., 1938.

¹⁷² E. Tschepourkowsky, Contribution to the study of interracial correlation, «Biometrika», т. IV, 1905, ч. 3; Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CXXIV, 1913, вып. 2.

¹⁷³ А. И. Ярхо, Ганджинские тюрки; его же, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа; его же, О некоторых вопросах расового анализа.

Антропологический материал как исторический источник

Рассмотрение расы как исторической категории и последовательное проведение охарактеризованных принципов расового анализа через все этапы расогенетического исследования позволяют широко использовать антропологический материал как исторический источник. Помимо его использования для освещения и решения частных вопросов происхождения и этнической истории отдельных народов и групп родственных народов, теоретическая сторона проблемы также получила специальное освещение¹⁷⁴.

В существующей литературе могут быть намечены три подхода в решении этого вопроса. Первая точка зрения постулирует причинную связь между принадлежностью к той или иной расе, с одной стороны, и языком и культурой — с другой, и носит откровенно расистский характер¹⁷⁵. Противоположная гипотеза, имеющая четко выраженную антирасистскую направленность, негативно решает вопрос о связи языка и культуры с расой и на этом основании отрицает сколько-нибудь эффективную возможность использования антропологических данных в качестве исторического источника. Советские антропологи, также последовательно выступающие против расизма, в отличие от представителей двух этих взглядов отрицают за расой, языком и культурой причинную связь, но считают, что эта связь образуется в ходе исторического развития как результат сложения языка и культуры, с одной стороны, и расы, с другой, на определенной территории.

Помимо этой косвенной связи расы с языком и культурой, возможность использования антропологического материала в историческом исследовании заключается в особом характере антропологических данных по сравнению с языковыми и этнокультурными. Язык и культура представляют собою явления, распространение которых на новую территорию и в новой этнической среде может происходить в результате культурного и языкового влияния или взаимодействия. Говоря иначе, примесь инородных лингвистических или культурных элементов не свидетельствует непременно о реальных брачных связях с другой этнической группой, но может быть истолкована как результат инородного влияния или культурного взаимодействия, торговых связей и т. д. В то же время примесь иного антропологического типа, который не может распространяться без людей — носителей этого типа, всегда свидетельствует о генетических связях, о реальной примеси инородного населения.

Специфика антропологического материала состоит также и в возрастании его роли в историческом исследовании по мере удаления от современности и углубления в бесписьменные эпохи истории человечества. Исторический процесс в эти эпохи может исследоваться и при помощи археологических материалов, но последние не исключают двойственности в истолковании результатов, отмеченной только что по отношению к лингвистическим и этнографическим данным. Что же касается антропологических материалов, то они, конечно в случае их полноты, дают возможность выявлять древние миграции, выяснять их

¹⁷⁴ Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза; М. Г. Левин, Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (к методологии изучения истории бесписьменных народов), «Сов. этнография», 1961, № 1.

¹⁷⁵ Критику ее см.: Г. Ф. Дебеч, Расы, языки, культуры, Труды Ин-та антропологии МГУ, вып. IV, М.—Л., 1938; А. М. Золотарев, Расовая «теория» и этнография, там же; С. П. Толстов, Расизм и теория культурных кругов, там же.

масштабы и направление и т. д.¹⁷⁶ Таким образом, чем древнее истоки формирования того или иного народа или группы народов, тем больший удельный вес имеют антропологические данные среди материалов смежных дисциплин в решении проблем их этногенеза.

Особо должна быть отмечена необходимость комплексности материалов, положенных в основу любого антропологического исследования. Соматология, например, не имеет в своем распоряжении прямых данных для определения древности антропологических типов, прибегая для этого к косвенным соображениям. Палеоантропология с трудом устанавливает контакты с соматологией ввиду очевидной разницы в объектах исследования и трудности сопоставления измерений на скелете с измерениями на теле. Наконец, краниологии современного населения до некоторой степени присущи оба эти недостатка. Но в совокупности все три вида антропологических материалов являются мощным инструментом для изучения истории рас и народов, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

Организация и методика расогенетических исследований

Еще в начале XX в. Е. М. Чепурковский, сопоставляя материалы разных авторов, убедительно показал, что огромное влияние на них оказывает субъективность определения, присущая каждому работнику даже высокой квалификации, и что часто различия между измерениями одного народа разными специалистами бывают больше, чем между народами в материалах одного автора¹⁷⁷. После этой работы широта охвата этнических и территориальных групп при любом расогенетическом исследовании с неперенным соблюдением единых приемов измерения и определения описательных признаков (последнее лучше всего достигается при определении их одним работником) стала основным требованием антропологической методики. Каждый исследователь стремится к тому, чтобы необходимые для сопоставления сравнительные материалы были собраны им самим или при его непосредственном участии. Именно таким образом была организована работа всех больших экспедиций, посвященных изучению антропологического состава народов Советского Союза — русского народа¹⁷⁸, украинцев¹⁷⁹, народов Прибалтики¹⁸⁰, Кавказа¹⁸¹, Алтае-Саянского нагорья¹⁸², Дальнего Востока¹⁸³.

¹⁷⁶ См., например: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР; G. F. Debetz, Bilan d'ensemble des recherches paléanthropologiques en U.R.S.S., Communications de la délégation soviétique au V-e Congrès International des sciences anthropologique et ethnologiques, М., 1956; его же, Paléanthropologie de l'Eurasie septentrionale, «Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche», т. I — Relazioni generali, Roma, 1963.

¹⁷⁷ Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами.

¹⁷⁸ В. В. Бунак, О задачах и плане антропологического изучения русского народа, «Сов. этнография», 1954, № 4.

¹⁷⁹ В. Д. Дяченко, Наслідки роботи Української антропологічної експедиції.

¹⁸⁰ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики.

¹⁸¹ А. Н. Натшвили, М. Г. Абдушелишвили, Предварительные данные об антропологических исследованиях грузинского народа, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXII, 1955.

¹⁸² А. И. Ярхо, Алтае-Саянские тюрки.

¹⁸³ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области; М. Г. Левиц, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.

Однако полная сравнимость материалов не всегда достижима даже при огромном к ней внимании (психофизиологическая специфика каждого работника, сдвиги с масштаба у одного и того же исследователя в разные годы и в разной обстановке). Для преодоления этой трудности был предложен прием коннекции данных разных авторов или данных одного и того же автора за разные годы, заключающийся в приведении их к одному масштабу с помощью поправочных коэффициентов. Примером использования таких поправок является приведенная выше работа М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова, основанная на неполноте сравнимых материалах, собранных в полевых условиях разными работниками. В разные годы были изучены близкие группы, что помогло установить разницу в масштабе определения описательных признаков. С помощью коэффициентов, отражающих эту разницу, авторы добились единства масштаба. При наличии большого количества краниологических серий можно воспользоваться ими с целью коннекции соматологических данных. Так, например, поступил Г. Ф. Дебёц при сопоставлении данных об антропологическом типе народов Сибири и Средней Азии¹⁸⁴.

Наряду с большим вниманием к принципам организации антропологических исследований значительное место в работе советских антропологов заняло уточнение и совершенствование измерительной и описательной методики, в первую очередь разработанной в трудах В. В. Бунака¹⁸⁵ и А. И. Ярхо¹⁸⁶. Эту методику отличает усиленное внимание к описательным признакам, так как на большом материале было установлено, что в число признаков первого и второго порядка входят большей частью признаки, определяемые с помощью баллов: цвет волос, глаз и кожи, некоторые вариации мягких покровов лица и т. д.

Для достижения единообразия в определении этих признаков были изготовлены модели вариаций отдельных описательных признаков, разработаны приемы их оценки на фотопортрете и значительно усовершенствованы шкалы определения цвета волос и глаз. В настоящее время В. В. Бунаком составлены новые шкалы волос и кожи, основанные на принципе эквидистантности и уже вошедшие в практику многих расогенетических исследований, проводимых в Советском Союзе.

Советская школа в антропологии

По необходимости краткий предыдущий обзор показывает, что многочисленные исследования советских специалистов в разных областях антропологии объединяет единство методологии. Оно выражается в распространении закономерностей материалистической диалектики на процесс эволюции человека, признании ведущей роли социальных факторов в происхождении человека и его рас, что отчетливо сформулировано в трудовой теории антропогенеза и в представлении о расе как об исторической категории, боевом характере советских работ, последовательно направленных против идеализма в теории антропогенеза и расизма в учении о расах. Единство методологических установок дополняется общим подходом к некоторым методическим вопросам — известной общностью методических приемов, учетом динамики расовых

¹⁸⁴ Г. Ф. Дебёц, Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных.

¹⁸⁵ В. В. Бунак, Антропометрия.

¹⁸⁶ А. И. Ярхо, Унификация определения мягких частей лица, «Антроп. журнал», 1932, № 1.

признаков во времени при расогенетическом исследовании, признании принципа таксономической неравноценности расовых категорий, соблюдении определенных принципов использования антропологического материала в качестве исторического источника и т. д. Все это позволяет говорить о советской школе в антропологии подобно тому, как это сделано по отношению к работам советских специалистов в области этнографии¹⁸⁷.

SUMMARY

Anthropology in Russia before the Great October Socialist Revolution was developed by scientific societies, which conducted extensive anthropological study of the peoples of Russia and published a great number of works. Considerable attention was paid also to the theoretical problems of anthropology — the role of natural and sexual selection in the origin of man, mathematical questions of racial analysis, etc. The material collected and the foundations of this science were given account of in the «Russian Anthropological Journal».

After the October Revolution, a Scientific research Institute and an Anthropology Chair were set up within the Moscow University. The increase of the state allocations made possible a more systematic anthropological survey of all the peoples of the Soviet Union and the inclusion of a wider range of problems into anthropological research, among them the principal problems of morphology and origin of man. The results of the research were published in a series of monographs and in the «Anthropological Journal». The development and publication of anthropological studies were interrupted by the Patriotic War, but after the war they were resumed on an even greater scale.

An anthropology sector was set up at the Ethnography Institute of the USSR Academy of Sciences, which organized and began to guide extensive studies of paleanthropology of the Soviet Union and continued the anthropological survey of the present population of the USSR. The Institute of Anthropology of the Moscow University and the anthropology chair of the Biology and Soil Department of the Moscow University continue intensive exploration of problems of anthropogenesis (including primatology) and morphology. Besides these institutions, there are anthropological laboratories within the framework of the Academies of Sciences of the Georgian, Azerbaijanian, Ukrainian, Latvian and Estonian Republics, the Daghestan Branch and the Siberian Department of the USSR Academy of Sciences.

The second part of the article presents a survey of theoretical problems of Soviet anthropology. The author examines morphophysiological correlations and the problem of constitution, physical strength of the human organism and the theory of physical development, the labour theory of anthropogenesis, the correlation between biological and social factors in the process of anthropogenesis, the leaps and stages in the evolution of the Hominidae, the race as a historical category, the organization and methods of anthropological research.

¹⁸⁷ См.: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4.